

ТАНЦЫ МУДРЕЦА Н'ГАНГИ

Г. ДЕ ШРИВЕР

ЕЩЕ нет и девяти часов утра, а барабанщики, состоящие при мудреце Н'Ганге, приступают к настройке своих инструментов. С маленьким оркестром из трех барабанщиков Н'Ганга переходит из селения в селение. Старший из музыкантов играет на большом круглом барабане, выбивая пальцами быструю дробь. Это «звезда» среди барабанщиков, его барабан украшает звериная шкура. Во всей округе километров на двести нет ему равного. Двое других исполняют свою партию на спаренном инструменте. На нем нет звериной шкуры, он напоминает развернутую раковину. По плоской его поверхности так и ходят деревянные палочки-колотушки двух барабанщиков. Но эти двое — лишь подручные, лишь аккомпаниаторы «звезды».

Мудрец выглядит фантастически. На голове — сооружение из птичьих перьев. На бедрах — подобие юбочки из мочальной бахромы. По бокам фалдами висят шкуры молодых пантер.

Площадка, на которой Н'Ганга исполняет свой танец, огорожена большшй рыболовной сетью, наподобие теннисного корта. В центре острием вверх высится воткнутое в землю копье. На острие — нечто вроде сита или сачка для ловли мелкой рыбешки. Вокруг этого сита то ходит в ритмическом танце, то подпрыгивает сам Н'Ганга.

Кольцом расположились зрители, стар и млад. Одни устроились вместе с нами под тентом, другие стоят прямо под палящими лучами солнца. Кажется, они ничуть не робеют перед Н'Гангой, не смотря на его отпугивающий наряд.

Скупой жест правой руки, в которой мудрец держит трещотку, — и барабаны умолкают. Н'Ганга что-то декламирует. Моя жена любопытствовала: «Что это он произносит?» — «Пословицы и поговорки», — разъясняет наш спутник, местный учитель.

Из круга зрителей выходит старая женщина и становится у самого копья. А Н'Ганга вновь что-то изрекает. «Сеть плетеная, а солнце сквозь нее проходит», — пытается перевести учитель. Напрасно... Переводить почти невозможно. Дело в том, что между мудрецом и публикой начинается дискуссия о сути пословиц. Насколько нам удалось понять (а главным образом догадаться), спор ведется в стиле китайской поэзии: три четверти намеков и одна четверть слов, скрепляющих все эти намеки легким стропильным остовом.

Потом из круга выступает пожилой мужчина. Он отвечает мудрецу на его комментарии, оперируя тоже исключительно пословицами и изречениями.

Внешне это похоже на соревнование поэтов. Но учитель вдруг сообщает совершенно прозаически: «А теперь они спорят о том, сколько следует уплатить мудрецу...» Оппонент Н'Ганги — первый человек в совете старейшин деревни.

Я пытаюсь поставить Н'Гангу в один ряд с кем-либо из профессионалов Европы. Но к какой именно категории отнести этого африканского мудреца? К нему за помощью приходят больные, однако он не лекарь. Обязанности врача в этой деревне исполняет совсем другой человек, пользующийся широкой известностью. Массамба — так зовут целителя — знает свойства разных растений, лечебных и вредоносных, знает тайну их применения.

Так кто же он, Н'Ганга? Человек, обладающий магической силой? Отнюдь нет. В его действиях нет никакой магии. Лучше всего об этом можно судить, наблюдая за публикой на выступлениях Н'Ганги. Люди получают величайшее удовольствие, слушая его высказывания. Они умеют ценить тонкость и остроумие в истолковании пословиц, изящество намеков.

Пожалуй, то, что демонстрирует Н'Ганга, скорее всего можно определить как применение в трудных случаях народной мудрости, обобщенной в изречениях и поговорках, бытующих в местной общине. Выступающий сегодня человек учился у старого мудреца, которого тоже звали Н'Гангой. Старый мудрец рассказал ученику о закономерностях жизни. Именно о закономерностях, а отнюдь не о воздействии на человеческую жизнь каких-либо богов. Ибо традиционная африканская община, вопреки мнению невежд, представляет собой, как правило, коллектив подлинных материалистов.

В представлении зрелого африканца природа является динамической системой сил, находящихся в состоянии непрерывного изменения и взаимодействия. Человек, по мнению такого африканца, — частица в этой игре природных сил. Чаще всего он бывает лишь объектом, жертвой изменений, происходящих в природе.

Н'Ганга — не имя, а, если можно так выразиться, титул, звание человека, могущего дать совет людям в затруднительных случаях. Н'Ганга — мудрец и советчик.

Для того чтобы стать Н'Гангой, необходимо пройти особую выучку. Однако отнюдь не всякий может овладеть этой специальностью. Сплошь и рядом старый, опытный Н'Ганга прогоняет то одного, то другого из своих «аспирантов». Помимо разнообразных знаний, будущий Н'Ганга должен обладать способностью к синтезированию. Одаренность именно в этой области ценится выше всего. Искусство Н'Ганги состоит преимущественно в том, чтобы на основании разнообразнейших и мельчайших

Перевод из австрийской газеты «Фольксштимме».

признаков, имеющих отношение к конфликту, делать заключения для обоснованного, определенно-го вывода. Эти выводы Н'Ганга возвещает тоном оракула, используя подходящие к случаю народные пословицы, поговорки, известные изречения. За свой труд Н'Ганга требует и получает плату от клиента, обратившегося к нему за советом.

И олять звучат барабаны, опять Н'Ганга исполняет свой танец, о котором в Европе сложилось совершенно неверное представление. Танец Н'Ганги — отнюдь не развлечение, но и не ритуальное, колдовское действо. Для Н'Ганги танец, звуки барабанов составляют целый комплекс особых сигналов, возбуждающих у него определенный рефлекс. Искомый рефлекс состоит в синтезировании полученной Н'Гангой объективной информации, с одной стороны, с известными ему закономерностями, характерными для подобных обстоятельств, — с другой. В обиходе мы в аналогичных случаях говорим о «молниеносной сообразительности». И вот Н'Ганга отлично натренирован в этой области. В этом его искусство.

Короткий сигнал трещоткой прерывает барабаников. Это значит, что Н'Гангу «осенило». И тут вновь разгорается фехтование пословицами между ним и умнейшим из деревенских старейшин. Всю образная дуэль длится до того момента, когда Н'Ганга вновь подает сигнал трещоткой. Барабаны вторгаются и прерывают дискуссию.

Дуэль ораторов несомненно доставляет величайшее наслаждение зрителям этого своеобразного спектакля. Однако выступление Н'Ганги связано для них с весьма ощутительными расходами. За свои

советы он требует гонорара деньгами или вещами. И вот остроумнейший из старейшин деревни вступает в единоборство с профессиональным мудрецом. Подбирая подходящие пословицы, старик намекает на возможность ошибок, а то и просто надувательства, обмана в ответах и заключениях, которые преподнес его односельчанам Н'Ганга. Коротко говоря, старейшина мобилизует весь свой житейский опыт, всю свою мудрость, чтобы сбить цену, уменьшить сумму, причитающуюся Н'Ганге. Наиболее убедительным доводом является сомнение в реальной действительности заключений и советов, полученных от Н'Ганги. Для африканца, воспитанного в традиционном духе, высшим критерием истины всегда служит практический результат.

Таков сегодняшней Н'Ганга, представитель традиционной африканской общины. В нем воплощается философская теория, отстаивающая «правильность» и «доказуемость» положений, необходимых для того, чтобы оправдать мировоззрение, на котором зиждется эта устаревшая община.

Сегодня такое мировоззрение подвергается критике. Передовые африканцы критикуют и самую основу устаревшего мировоззрения — натуральное хозяйство. Однако до сих пор процентов восемьдесят населения стран Африки южнее Сахары живут вне сферы товарно-денежного хозяйства. Большинство этих людей по тем или иным причинам упорно придерживается традиционных, устаревших взглядов на жизненный уклад.

Труднейшая проблема, стоящая перед прогрессивными правительствами молодых независимых государств Африки, заключается в том, чтобы успешно изыскать формы и пути перехода к современному общественному укладу.

На первый взгляд это может представиться и не столь трудным. Ведь материалистическое, антисубъективистское восприятие жизни, характерное для большинства жителей Африки, во многом соответствует установкам современной передовой науки. Можно ли тут требовать большего?

Можно. Дело в том, что идеология традиционной африканской общины злокачественно консервативна. В отличие от преобладающего в Европе взгляда на историю как на развитие по прямой линии — от прошлого к будущему — здесь царит убеждение, что история — замкнутый круг: что было, то есть и сегодня, что будет завтра, было уже ранее. Хорошо, мол, то, что делали наши предки. Следуй их заветам — и счастье не изменит тебе. Само собой разумеется, что в зависимости от обстоятельств и времени кое-какие нововведения могут быть применены. И вот подобно тому, как церковники умеют ловко притягивать за уши новые доводы, неизменно ссылаясь на библейские тексты, приписывая даже самому Христу те или иные идеи, так и африканские «традиционалисты» никогда не стесняются «обосновывать» кое-какие нововведения заветами предков.

В то же время сотни обычаев, привычек и ограничений, укоренившихся в африканской общине, предусматривают суровейшие кары для подлинных новаторов. Потребуется величайшее напряжение сил, чтобы добиться истинного духовного раскрепощения людей, их сознательного перехода от «традиционного» к современному, прогрессивному коллективу. Президент Ганы доктор Кваме Нкрума в своем новом труде «Философия сознания» попытался найти радикальное решение этой проблемы. Многие же африканские государственные деятели в повседневной практике руководствуются только традициями.

КАК ВИЗАНТИЯ СТАЛА СТАМБУЛОМ

Этот город много раз менял свое название.

Основанный греками в 658 году до н. э., город назывался Византий, по-русски Византия.

В 326 году н. э. римский император Константин сделал его своей столицей и назвал Новым Римом.

Позже он был переименован в Константинополь (по имени Константина) и оставался им вплоть до 1453 года, когда был завоеван турками.

Турки называли его Истанбул. Это название толкуется двояко. Одни считают, что это не что иное, как искаженное «Константинополь», другие видят корень в слове «ислам».

Сегодня почти всюду употребляется краткая форма — Стамбул.